

АРХИВ
ARCHIVE

Стенограмма выступления на реактологической дискуссии (1931 год)

Л.С. Выготский

Комментарий

2 марта 1931 г. в стенах Государственного института психологии, педологии и психотехники состоялся заключительный акт «реактологической дискуссии». Затеяли ее члены партячейки Института во главе с А.А. Таланкиным. Под видом научной дискуссии они устроили заседание с заведомо предрешенным исходом, без шансов на оправдательный приговор. В роли главного обвиняемого предстал директор Института К.Н. Корнилов, но в резолюции упоминалась и «культурническая» психология Выготского и Лурия, в числе теорий «неразоблаченных и выдававшихся за марксистские».

Л.С. Выготский взял слово одним из последних. Корнилов присутствовал на собрании, энергично возражал, по ходу нередко бросал реплики, однако Выготского выслушал, не перебивая. После выступили еще несколько человек, среди которых и А.Р. Лурия.

Стенограмма выступления Выготского хранится в архиве РАО (Ф 82, оп. 1, д. 11, л. 5–15). Машинописный текст отредактирован чернильной ручкой, аккуратным мелким почерком Выготского, вплоть до знаков пунктуации и разбивки текста на абзацы. В настоящей публикации авторская правка полностью учтена.

Бросается в глаза, что Выготский говорит о Корнилове с уважением, называя его не иначе как по имени-отчеству и характеризуя его как человека, который искренне пытался создать новую, марксистскую психологию, однако не сумел должным образом осуществить «огромный, революционного значения замысел». Критикуя реактологию, Выготский признает, что на первых порах он и сам увлекся ею и участвовал в общем деле. И даже при создании культурно-исторической теории «высших функций» известное влияние реактологии сохранялось.

Ряд историков психологии выделяют в творческой биографии Выготского «реактологический период», в который им была написана «Педагогическая психология» (вышла в 1926 г., с задержкой на год или два). Как можно убедиться из стенограммы, сам Выготский свидетельствует, что «такой момент был», пусть и «длился недолго».

Вместе с тем даже поверхностное сравнение работ Корнилова и Выготского того периода обнаруживает, что их учения о психологических реакциях глубоко различны (не говоря уже о направлении развития их теоретических программ). На это различие прямо указал в своем выступлении Выготский: реактология не смогла выйти за пределы биологии, ибо ей чужда идея исторического развития. Сам Выготский никогда, ни в один период творчества, не выпускал эту идею из вида. И в «Педагогической психологии» он усматривает специфику человеческой реакции в том, что она «закрывается в чужом опыте», в «опыте прошлых поколений», в «историческом опыте» человечества. Так что период этот правильнее назвать «историко-реактологическим». Неслучайно именно тогда, ровно сто лет тому назад, в голове Выготского и родился замысел культурно-исторической психологии.

А.Д. Майданский

Для цитаты: *Выготский Л.С.* Стенограмма выступления на реактологической дискуссии (1931 год) // Культурно-историческая психология. 2024. Том 20. № 3. С. 136–139.

Transcript of a Presentation at the Reactology Discussion (1931 year)

L.S. Vygotsky

A commentary

On 2 March 1931, the final act of the “reactological discussion” took place within the walls of the State Institute of Psychology, Pedology and Psychotechnics. It was initiated by members of the Institute’s Party Committee, led by the Aleksander Talankin. Under the guise of a scientific discussion, they arranged a trial with a foregone conclusion and no chance of acquittal. Konstantin Kornilov, the director of the Institute, was the main accused, but the resolution also mentioned “Vygotsky’s and Luria’s ‘cultural’ psychology”, among the theories “not unmasked and passed off as Marxist”.

Lev Vygotsky was one of the last to take the floor. Kornilov was present at the meeting, he objected vehemently, often throwing his remarks, but he listened to Vygotsky without interrupting him. Several other people spoke afterwards, including Aleksander Luria.

The transcript of Vygotsky’s speech is kept in the RAE archive (fond 82, file 1, case 11, pages 5–15). The typewritten text is edited with an ink pen in Vygotsky’s neat small handwriting, right down to the punctuation marks and the division of the text into paragraphs. In the present publication, the author’s editing has been fully taken into account.

It is noteworthy that Vygotsky speaks of Kornilov with respect, calling him by his first name and patronymic and describing him as a man who sincerely tried to create a new, Marxist psychology, but failed to properly implement “a great, revolutionary intention”. Critical of reactology, Vygotsky admits that he himself was initially fascinated by it and took part in the common endeavour. And even in the creation of the cultural-historical theory of “higher functions” a certain influence of reactology was still present.

A number of historians of psychology distinguish in Vygotsky’s creative biography a “reactological period” during which he wrote *Educational Psychology* (published in 1926, with a delay of one or two years). As we can see from the transcript, Vygotsky himself testifies that “there was such a moment”, even if it “did not last long”.

At the same time, even a superficial comparison of Kornilov’s and Vygotsky’s work of that period of time reveals that their teachings on psychological reactions are profoundly different (not to mention the direction of development of their theoretical programmes). Vygotsky explicitly pointed out this difference in his speech: reactology could not go beyond biology, because the idea of historical development was alien to it. Vygotsky himself never, at any stage of his work, lost sight of this idea. And in *Educational Psychology* he sees the specificity of human reaction in the fact that “it closes in some other person’s experience”, in the “experience accumulated by previous generations”, in the “historical experience” of humanity. So it would be more accurate to call this period “historical-reactological”. It is no coincidence that it was then, exactly one hundred years ago, that the idea of cultural-historical psychology was born in Vygotsky’s mind.

A.D. Maidansky

For citation: Vygotsky L.S. Transcript of a Presentation at the Reactology Discussion (1931 year). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-Historical Psychology*, 2024. Vol. 20, no. 3, pp. 136–139. (In Russ.).

Введение

ВЫГОТСКИЙ. Целый ряд личных обстоятельств помешал мне принять участие в этой дискуссии и поэтому я сейчас, когда решаюсь выступить к самому концу дискуссии, рискую попасть в положение человека, пришедшего к концу разговора, когда собеседники высказали очень многое, и рискующего высказаться невпопад.

Но критическое обсуждение реактологии настолько замалчивалось, в частности и мною, что я считаю нужным выступить. Целый ряд моментов, связанных с реактологией, был уже здесь освещен, и я могу без большой боязни опустить их и остановиться на нескольких моментах, которые могут иметь значение дополнения к тому, что уже высказано. Я имею

в виду моменты, которые выходят за узкие пределы одной только реактологии, и в то же время такие моменты, которые могут не только вскрыть ошибки, но и наметить для дальнейшей работы то, что надо учесть. С другой стороны, эти моменты могут иметь положительное значение. Вскрывая прежние ошибки, они могут указать нам то, что мы должны учесть, когда хотим по-новому подойти к проблеме марксистской психологии.

Я имею в виду вопрос об историческом анализе психологического кризиса, тот момент, который был положен в основу реактологии. Эта установка была крайне проста. Упрощенность проникает всю оценку исторической обстановки. Весь вопрос исторического развития и судьба психологии рассматривается по схеме триады. Эмпирическая психология — тезис,

объективная психология (бихевиоризм, рефлексология) — антитезис. Марксистская психология, согласно этой идее, должна явиться синтезом эмпирической психологии и рефлексологии¹.

Это представление выходит за пределы частного момента и имеет общее значение, потому что задача революционной перестройки целой дисциплины, задача перестройки психологии на марксистской основе, требует анализа того, что делается в мировой психологии, — ясного ответа на вопрос о смысле того кризиса, который охватил психологию. Без этого анализа невозможно вести правильно научную политику, особенно революционную политику, имеющую задачей создать истинный переворот в науке.

Всякий знает, что субъективная психология была психологией эмпирической в учебниках, а на деле были самые разнообразные тенденции, отражавшие различные взгляды. Бралась эта психология — то, что называлось эмпирической психологией, — и бихевиоризм, чтобы наметить правильную линию революционного действия в смысле перестройки психологии. Представление о синтезе бихевиоризма и эмпиризма оказалось теорией ложной и на практике привело к целому ряду ошибочных ориентировок. Там, где говорим о синтезе, мы представляем, что моменты предшествующие сохраняются в снятом виде.

Таким образом, выходило, что марксистская психология должна синтезировать и сохранить рефлексологию и эмпирическую психологию. Таково было основное положение реактологии. Когда определились исследования и попытка систематического развертывания реактологической психологии, то на деле получился, с одной стороны, ряд рефлексологических, бихевиористских моментов, а с другой стороны — в не переработанном виде ряд моментов эмпирической психологии. Мне представляется, что этот неверный анализ исторического положения психологии, ложный вывод в смысле направления действия, уже наперед лишил революционного подъема тот огромный, революционного значения замысел, который лежал в основе идеи марксистской психологии — идеи, которая верна и которая так волновала К.Н. [Корнилова]. На деле вышло, что в ней ничего особенного нет.

По пути синтеза пошла и бихевиористская психология, и эмпирическая психология, от имени которой вначале Челпанов трактовал бихевиоризм как нонсенс. Эта эмпирическая психология потом стала вводить целые главы из объективной психологии. Вначале не признававший Вундта, бихевиоризм затем стал вводить целые главы из его психологии в свои системы. И сейчас этот «синтез», этот сплав является господствующим образцом курсов психологии в Америке.

Таким образом, неправильный анализ исторических судеб, исторического кризиса психологии лишил революционной силы в высшей степени революционную идею, и вместо того, чтобы выдвинуть

задачу революционной перестройки психологии, вместо разоблачения того, что есть, получилось движение в неверном направлении.

В связи с этим стоит еще один момент, который также выходит за пределы реактологии и имеет значение для всех нас, — вопрос относительно движения нашей коллективной работы дальше. К.Н. представлял это проще, чем было на самом деле. Казалось, что надо сформулировать ряд положений — и [вот] марксистская психология осуществлена. И можно от этой формулировки перейти к составлению учебников, «изложенных с точки зрения диалектического материализма». Представление, что главная работа уже сделана, что она завершена в такой системе, которая была сколочена наспех (она была сделана в течение одного года), это представление привело к искажению исторической перспективы в построении самой марксистской психологии. Это — другая сторона ложной ориентировки, которая имело место здесь.

Положительное значение этих моментов заключается в том, что эти ошибки, исходные ошибки, существуют не только в реактологии, но и в целом ряде других работ и течений, которые можно было бы рассматривать с субъективной стороны — с точки зрения намерения их авторов — как марксистские, и которые объективно очень часто уклоняются от этого, потому что вопросы правильного исторического анализа развития и кризиса психологии, программы революционной перестройки психологии и конкретизации развития этой работы во времени, к сожалению, нами всеми чрезвычайно мало разработаны. Если мы возьмем вопрос нашего отношения к тем или иным буржуазным течениям, мы увидим здесь очень часто не только отдельные ошибки, но ошибки общего характера, заключающиеся в том, что, хотя мы с отдельными течениями боролись решительно, никто, тем не менее, не проделал попытки вставить эту работу в исторический контекст, дать какую-то марксистскую формулу исторического кризиса, дать линию конкретного действия в отношении психологии и наметить ряд этапов, которые надо было пройти.

В связи с этим стоят и внутренние трудности, и ошибки реактологии. Самая главная опасность ее заключается в том, что в ряде словесных формулировок все обстояло благополучно, на деле же эти формулировки прикрывали собой пустоту, и это превращало революционную идею в лозунги, в собственную противоположность.

Пример (я повторяю вслед за К.Н.). Понятие реакции более отвечает марксистской психологии, чем понятие рефлекса, потому что оно, в отличие от рефлекса, является не узким физиологическим и биологическим понятием, а широким — социальным и психологическим.

Казалось, что психология вышла за пределы биологии. А на деле, когда не только экспериментально, но и теоретически пользовались понятием реакции, все эти заявления оказались отброшенными у самого

¹ Со слов «Весь вопрос» и до конца абзаца вписано Выготским от руки.

порога. По существу, мы имели дело со словами, которые не реализовывали даваемых ими обязательств. Все знают, что мы повторяли за К.Н., что значение реакции шире, чем значение рефлекса, потому что оно включает объективный и субъективный моменты поведения. Психический момент, как внутренне необходимый момент целостного процесса, здесь находит свое отражение. В смысле «признания» тут нет противоречия с марксизмом, а на деле, когда применялось это понятие, то получалось — либо психологическое исследование разбивалось на два ряда по принципу параллелизма, либо по существу не реализовывалось то понятие, которое с этим смыслом связывалось.

Неудивительно, что тот же самый недостаток мы видим в рефлексологии и в эмпиризме: метафизичность, не знающая идеи движения, была целиком и полностью воспринята рядом новых течений, в том числе и реактологией. Идея развития, представление о том, что все должно рассматриваться в аспекте развития, что поведение человека должно быть понято исторически, — все это было чуждо реактологии. В том синтезе рефлексологии и эмпирической психологии, которым признавала себя реактология, естественно, не могло быть идеи развития, ибо ни тут, ни там нет ничего, что могло бы ее породить.

Хочу еще сказать, что эта общая упрощенная схема синтеза на деле ведет к тому, что целый ряд острейших проблем, вокруг которых нужно развить исследования — ломать копыта, не попал в центр марксистской психологии, а пассивно оценивался и воспринимался — как воспринимались часто многие буржуазные психологические школы. Создавался отгороженный мирок, в который не попадали сегодняшние бури, бывшие в психологии. Мы боролись часто с мертвецами, а с рядом новых течений мы, по существу, мало встречались. Это является следствием ложной исторической ориентировки, которая имела место.

В заключение хочу остановиться на моих личных отношениях к реактологии. Не потому, что они занимают серьезное место в истории этого учения, и не потому, что вопросы личных взглядов представляют на данном вечере особое значение, — но потому, что в этом снова есть нечто выходящее за пределы только личных взглядов. Здесь имеется еще одно указание на положительные моменты, к которым мы перейдем, когда будем делать выводы.

Лично мое отношение к реактологии, мне кажется, охватывает три момента.

Первый, самый простой: необходимо упомянуть о своей личной роли, когда критически говорят о работе, в которой принимал участие. Был период, когда я вместе с целым рядом товарищей думал, что реак-

тология разрешает на данном этапе основную проблему. Это длилось недолго, но такой момент был. В начальный период реактологии я и целый ряд товарищей разделяли с К.Н. ряд основных положений реактологии, и в ранних работах моих и других товарищей нашли прямое отражение эти взгляды, эти точки зрения. Само собой разумеется, что, говоря сейчас о реактологии в целом, мы говорим и о той части этих взглядов, которые были высказаны не только К.Н., но и всеми, кто с ним работал. В том числе я говорю и о своих взглядах.

[Второе.] Очень скоро в процессе развития, идя по тому же пути дальше, целый ряд ошибок реактологии — в частности, ошибок исторического анализа — стал мне и группе товарищей ясен. Здесь началось самое худшее — ряд лет, когда у нас критически реактология замалчивалась. В отдельных совещаниях, которые созывались по поводу конфликтов, моя точка зрения высказывалась мной до самого конца. Но среди положительных формулировок — например моих взглядов в отношении исторического анализа кризиса [в психологии] — ясная, отчетливая критика реактологии не давалась никем, в том числе и мною. Эта двойственная позиция, эта ложная позиция психологически объяснима, потому что она была ошибкой не только моей. Но я в отношении к себе должен отнестись строже, ибо для меня целый ряд центральных пунктов, в смысле полной несостоятельности реактологии, давно уже сделался ясным, и запоздание в пересмотре этого вопроса является, несомненно, ошибкой.

Третий момент имеет еще более серьезное значение, с точки зрения более глубокого анализа того, с чем мы имеем дело в реактологии. Даже когда мы выходили за пределы реактологии, когда пытались применить менее упрощенный, более адекватный анализ сложных форм поведения, когда я и ряд товарищей занялись анализом высших функций, то все же представление о реактологической схеме настолько владело нами, что мы не решались сразу и полностью отбросить ее при изучении структуры высших функций. И внутренней, и внешней проверкой того, что мы находили в эксперименте, нам представлялось то, чтобы в конце концов возможно было сказать, что весь процесс при анализе, при разборке на части допускает сведение к реакциям. Это мы имели в исследовании более сложных функций, чем реакция; оно является как бы отдаленным последствием ошибок реактологии, но, тем не менее, последствием, которое должно быть в общем анализе ошибок реактологии вскрыто, которое должно быть изжито внутри тех работ, которые вначале были связаны с реактологией и усвоили некоторые ее понятия.